

Барбаик Лохо и домовой. Французская народная сказка

Барбаик Лохо была служанкой в Керарборне, в окрестностях Плуара. В ту пору она еще была молода и слыла проказницей и хохотушкой.

В Керарборне, как и везде, был свой добрый домовой, который взял на себя заботу о коровах фермы — потому-то они и давали так много самого лучшего молока, жирного и с густыми сливками. О лошадях домовой Керарборна совершенно не заботился, — он угождал только женскому полу. Ночью он подметал кухню, мыл посуду, чистил кастрюли и медные тазы и наводил на них блеск, он натирал мебель, шкафы, буфеты и старинные поставцы из резного дуба и делал это так, что на кухню старой Маркхарит, предшественницы Барбаик, любо было смотреть. Всюду царила удивительная чистота, все так сияло и блестело, что можно было глядеться в каждую вещь, как в зеркало.

Что и говорить, хорошо жилось стряпухе в Керарборне! Но уж зато каждый день, когда Маркхарит ложилась спать, она всегда, бывало, позаботится, чтобы зимою в печи было достаточно жара; в углу, у самого очага, она клала круглый камень-голыш, отполированный морскими волнами и имевший форму тыквы, и, лежа в постели, смотрела, как ее милый домовой, окончивши все свои работы, пробирался к этому камню, устраивался на нем и грелся, слушая песни своего приятеля сверчка, покуда не пропоют петухи. Ростом он был поменьше фута, но Маркхарит ни разу не удалось увидеть его лицо, так как оно всегда было скрыто широкополой шляпой, вроде тех, какие носят в Корнваллисе. К доброму домовому все привыкли и его не боялись, потому что он никому не делал зла.

Но вот старая Маркхарит умерла, и место стряпухи, которого все так добивались, досталось молодой Барбаик. Она была счастлива и гордилась этим. Сначала все шло как нельзя лучше. Домовой охотно помогал красивой и веселой Барбаик и избавлял ее от самой грубой работы: ему нравились ее песни и ее смех, которые целый день разносились по всему дому вместо воркотни и брюзжания старой Маркхарит. Но у Барбаик всегда была какая-нибудь шалость или проказа на уме, и вот однажды ей вздумалось подшутить над своим другом домовым. Увы, это было началом всех ее несчастий!

Однажды вечером, перед тем как лечь спать, она нагрела погорячей на огне камень-голыш и затем положила его на обычное место. Она лежала, в постели и с нетерпением ждала появления домового. Он пришел, как всегда, и, ничего не подозревая, направился на свое всегдашнее место, но сейчас же вскочил и со страшным криком, от которого содрогнулся весь дом, бросился бежать, почесывая зад и опрокидывая все на своем пути.

Барбаик испугалась: она поняла свою оплошность и Теперь горько раскаивалась в ней! Но увы! Уже было поздно! Начиная с этого дня все пошло кувырком. Коровы исхудали, стали совсем тощие и почти не давали молока, а то немногое, что они давали, сейчас же скисало. В кухне был беспорядок и невообразимая грязь. Бедная девушка разучилась смеяться, и у нее сделалась такая несчастливая рука, что стоило ей прикоснуться к тарелке или к горшку, как эта вещь падала на каменные плиты пола и разбивалась вдребезги, и тогда ей слышался страшный, злорадный смех. Стряпня ее также стала отвратительна: и суп и каша всегда были либо недосолены, либо пересолены, блины подгорали, мясо недожаривалось; слуги беспрестанно жаловались на еду, и кончилось тем, что Барбаик рассчитали.

Она вскоре нашла другое место, но несчастья следовали за ней по пятам, и наконец никто уже не хотел ее держать. Бедная девушка совсем отчаялась, пала духом, и немного времени спустя ей пришлось стучаться во все двери и просить подаяния.

Так из-за проклятия домового, которого она обидела, она в тридцать лет превратилась в сгорбленную старуху.